

Т. Г. Фруменкова

КАК РОССИЙСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ ОТМЕНЯЛИ СМЕРТНУЮ КАЗНЬ В ФИНЛЯНДИИ (1810–1820-Е ГГ.)

Еще во время последней войны России со Швецией в своих первых манифестах 1808–1809 гг. и в речи на сейме (собрании сословий) в Борго 15 марта 1809 г. Александр I подтвердил «невозвратное вхождение» Финляндии в состав России. Он также обещал сохранить ее «коренные законы», то есть, шведские законы, и сословные привилегии¹. Действительно, по уровню общественного развития Финляндия стояла выше, чем значительная часть русских губерний. В Финляндии крестьяне, как и городское сословие, имели свое представительство в законодательных структурах финской власти². Это отнюдь не означало, что все отрасли действовавшего в присоединенных финляндских губерниях шведского законодательства были свободны от архаичных норм и средневековых пережитков. В сфере уголовного права на протяжении почти всего XIX в. продолжало действовать Общее уложение 1734 г. После того, как Финляндия превратилась в часть Российской империи, необходимость в обновлении уголовного законодательства стала особенно настоятельной³.

Отдельные новшества готовились и утверждались непосредственными императорскими манифестами и указами. Как утверждал историк-правовед Р. Н. Дусаев, эти изменения власть проводила в жизнь «без обсуждения представителями сословий финляндского общества»⁴. Документы Статс-секретариата Великого княжества Финляндского, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), свидетельствуют, что по отдельным проблемам общественное мнение Петербург все-таки учитывал.

Вопрос о распространении на финляндских уголовных преступников такого вида российского уголовного наказания, как ссылка на каторжные работы в Сибирь, например, был поднят М. Калониусом⁵ в 1808 г. Будучи ректором Абосского университета, он настоятельно принял началь-

ный этап перехода Финляндии под власть России⁶, но уже на следующий год перешел к активному сотрудничеству с петербургской администрацией, предлагая проекты государственных преобразований. Известно, что в 1809 г. «по высочайшему поручению» М. Калониус составил проект «организации правительственного совета для новой Финляндии». На основе этого проекта был создан финляндский Сенат, а М. Калониус стал его первым прокурором⁷. В 1814 г. он предложил, чтобы «важные преступники, не подающие больше никакой надежды к возвращению их на путь добродетели и которые могли соделать новые преступления или в самой тюрьме, или, нашед способ уйти из оной, были бы впредь ссылаемы в сибирские горные рудники или в отдаленные крепости, чтобы находиться там под надзором и быть употребляемы на общественные работы»⁸. Сенат Финляндии нашел причины предлагаемых мер настолько основательными, что немедленно одобрил их, добавив некоторые уточнения.

2 ноября 1818 г. Комитет финляндских дел, на рассмотрение которого было передан проект (его автор скончался в 1817 г.), объявил поступившее предложение «верным способом предупреждать побег колодников, обеспечить общественное спокойствие». По мнению членов Комитета, «имеющееся в виду вечное изгнание из родной стороны произведет страх даже достаточно действительный над людьми самого дурного поведения, чтобы остановить некоторых из них в соделании злодейских преступлений, кои, к несчастью, были слишком многократны в сей стране в течение последних годов»⁹. При этом Комитет назвал вопрос весьма «щекотливым по впечатлению», которое он «может произвести на общественное мнение». Его члены предложили показать по этому поводу «пример великодушия, знаменующего» нынешнее царствование: опубликовать записку М. Калониуса в газете, выходившей в Або, и разрешить каждому высказать свое мнение в связи с предложением покойного прокурора. Комментарии жителей Финляндии разрешалось напечатать в газете; их также можно было до конца 1819 г. представить в Сенат Финляндии для передачи в Комитет финляндских дел. Последний, в свою очередь, обобщив материалы, собиравался передать их на «высочайшее разрешение». Александр I утвердил предложение об общественном обсуждении записки М. Калониуса¹⁰.

17 марта 1820 г. Комитет финляндских дел заслушал представление общего собрания Сената от 18 января. Сенаторы изучили 5 «записок» и «размышлений», появившихся в связи с публикацией проекта М. Калониуса, и вторично поддержали его предложение. Комитет занял более сдержанную позицию. По мнению его членов, с одной стороны, внедрение этой меры могло бы способствовать предупреждению некоторых

злодейств и преступлений, но, с другой, она не соответствовала законам, действовавшим в Финляндии. Переведенные на каторгу в Сибирь преступники были бы отданы под присмотр людей, не имевших представления об этих законах. В связи с этим Комитет предложил императору «отложить еще окончательное решение сего дела до тех пор», пока во время сейма финляндские депутаты не «изложат о сем их мнение». Александр I поддержал решение Комитета. Вопрос об отправке на сибирскую каторгу части преступников, отбывавших наказание в крепостях и тюрьмах в Финляндии, в 1810–1820-е гг. больше не поднимался¹¹.

Мнение о том, что уголовные законы устарели, разделяло все финское общество. Особенно архаичной оставалась система уголовных наказаний. Смертная казнь назначалась за 68 составов преступлений. В ряде случаев применялась квалифицированная смертная казнь. С целью устрашения она производилась в публичных местах. Часто использовались телесные наказания в сочетании с наказаниями позорящими (бесчестье, публичное церковное покаяние, заключение в колодки, стояние у позорного столба и т. д.). За непреднамеренное убийство и детоубийство применялась смертная казнь, унаследованная от средневековья и, по мнению правоведов, далекая от последних достижений уголовно-правовой науки. За лжесвидетельство наказывали по принципу талиона, а за тайное распространение ложных слухов лишали чести и наказывали телесно, что воспринималось как явный анахронизм¹².

В результате, хотя население Финляндии, по данным одного из финских сайтов, в 1815 г. составляло около 1 млн человек, количество заключенных в крепостях и тюрьмах было весьма значительным. Так, в 1827 г. в Свеаборгской крепости содержался, по данным представленной в Петербург ведомости, 601 арестант, 66 из них были приговорены к вечному заключению, 136 были заключены на определенное число лет, 48 — на неопределенное время «для склонения к признанию, а 351 суть бродяги, заключенные также на неопределенное время или покуда не прищут себе законного рода жизни»¹³. Чуть раньше, в 1825 г., общее число заключенных в крепостях и тюрьмах Финляндии, мужчин и женщин, доходило до 2000 человек (в Свеаборге в 1825 г. содержались максимум 458 заключенных)¹⁴.

Ситуация получила новое развитие после воцарения Николая I. Параллельно со следствием и судом над декабристами были приняты законы, изменившие участь тех, кто совершил тяжкие уголовные преступления в Финляндии. 1 мая 1826 г. статс-секретарь Великого княжества Финляндского направил отношение финляндскому генерал-губернатору. Он сообщал, что 21 апреля император подписал манифест «О ссылке в сибирские губернии финляндских преступников, подпавших смер-

ной казни, но от оной помилованных», а также рескрипт на имя генерал-губернатора «о разных распоряжениях касательно таковых ссылочных». Эти документы направлялись генерал-губернатору. Министр юстиции был также извещен о повелениях Николая Павловича «для нужных исполнительных распоряжений» по этому поводу¹⁵.

Появлению законодательных актов о замене смертной казни за тяжкие уголовные преступления в Финляндии предшествовало знакомство российских властей еще с одной рукописью М. Калониуса, названной «О законности и необходимости смертной казни в обществе». Сочинение открывается словами: «Это честь для нашего века, доказательство его просвещения, торжество для человеколюбия видеть, что столько людей с гением возвышают голос свой на защиту человечества, и что даже самые преступники находят защитников противу строгости, часто безмерной, уголовных законов». Автор, естественно, начинает с упоминания о «мужественном ревнителе человечества» Ш. Л. Монтескье, а также Ч. Беккариа, который оспаривал «законность и необходимость смертной казни в обществе благоустроенном». Собственные рассуждения против смертной казни автор дополнил историческими примерами, в том числе, и из недавней русской истории: «Во время царствования императрицы Елизаветы в России ни один преступник не был наказан смертию, и Екатерина II следовала тому же правилу; однако же надобно было послать на казнь Пугачева»¹⁶. М. Калониус приводил распространенные, часто используемые аргументы против смертной казни: во-первых, применение смертной казни нигде не истребляло преступность; во-вторых, смертная казнь не является необходимостью, так как «не жестокость наказания, а продолжение оно делает более впечатления на ум человека»; в-третьих, многие полагают, что «пожизненное заключение есть наказание уже достаточно действительное, и что оно даже более действительно, нежели смертная казнь, для отвращения граждан от наибольших преступлений». По его убеждению, хорошо воспитанные люди и «через то сами обладающие в высшей степени чувством свободы» могут «предпочесть смерть позорному заключению на всю жизнь». Однако благовоспитанный человек от преступления удерживается «единственно нравственно-стию», тогда как «низшие классы — страхом наказания»¹⁷.

Следовательно, наказание, по мнению М. Калониуса, должно «сообразоваться с духом, характером и мнениями черни, а не просвещенных граждан», и потому нельзя наказывать заключением «деяния ужаснейших преступников, людей.., кои обыкновенно влечат свое существование в нищете и нужде, кои, будучи чужды всяких удобств жизни, достаточно затвердели, чтобы сносить тягчайшие вериги и самую трудную работу... Напротив того, можно справедливо полагать, что один страх тюрьмы

не будет достаточным для предупреждения самых гнусных злодейств, и что многие из бродяг, дабы избавиться от заботы изыскивать себе пропитание, будут стараться заслужить тюремное заключение»¹⁸. Этот аргумент автор считает дополнительным для сохранения смертной казни, и обращается к опыту европейского законодательства.

Смертная казнь, по убеждению М. Калониуса, «в некоторых случаях законна и необходима для сохранения спокойствия в обществе». Закон равного возмездия должен вступать в действие, когда «существование государства, безопасность и благосостояние общественное требуют того непременно. Следовательно, оскорбление царской особы., возмущение и бунт, важное изменничество и прочие преступления, коими могут быть расторгнуты узлы, связующие общество; смертоубийство и другие злодеяния, кои нарушают общественную безопасность, — все сии преступления... заслуживают смертную казнь, применение которой ограничено правом помилования со стороны императора. Пусть Ривольяки, Анкарстремы (убийцы французского короля Генриха IV и шведского короля Густава III. — Т. Ф.), зачинщики бунтов, предатели Отечества погибают без пощады секирою правосудия, а равным образом смертоубийцы, поджигатели и разбойники, ибо строгость против сих лютых граждан есть милосердие на счет других, и отнять жизнь у одного из сих первых значит даровать оную многим добродетельным гражданам»¹⁹. Любопытно, что из числа «смертоубийств», подлежащих смертной казни, прокурор финского Сената, исключал «чадоубийства, коих источник преступлений находится в слабости человеческой и в желании избегнуть всеобщего презрения» (кроме злых и жестоких предумышленных детоубийств). Рассуждения М. Калониуса завершают размышления о «существовании и способе совершения смертной казни». Он считал, что казнь должна быть «сколь возможно менее мучительна для преступника»; средневековые формы казни, подобные четвертованию, автор назвал варварством, а в противостоянии преступности отметил роль воспитания и образования.

Очевидно, что на протяжении этих же лет представители российской администрации не только знакомились с идеями М. Калониуса, но и вели работу по согласованию российского и финляндского (шведского) уголовного законодательства. Вопрос о замене смертной казни другими видами наказаний еще в царствование Александра I поднял финляндский генерал-губернатор А. А. Закревский. 18 (30) марта 1825 г. он обратился с письмом к исполняющему должность председателя Комитета финляндских дел. Автор письма сообщал, что ранее своим докладом известил императора: смертная казнь, производимая в Финляндии «по законам сей страны, слабое влияние имеет на жителей, к зрелищу сему привыкших». Утвердив положения доклада, 17 марта Александр распорядился, чтобы

четыре человек «из таких арестантов, кои осуждены на смерть и находятся уже в Свеаборге, сослать в Сибирь на каторжную работу и о том тогда в Финляндии опубликовать повсеместно»²⁰.

К вопросу о смертной казни в Финляндии Николай I, как уже отмечалось, вернулся в самом начале царствования. 1 мая 1826 г., когда заканчивалось следствие по делу декабристов, тот же А. А. Закревский обратился с отношением к статс-секретарю Великого княжества Финляндского. Он поведал, что Николай I еще 21 апреля подписал манифест о ссылке в сибирские губернии финляндских преступников, приговоренных к смертной казни, а также рескрипт от того же числа о необходимых в связи с этим распоряжениях. Манифестом император сообщил российским подданным, что применение и исполнение финляндского уголовного уложения «во всех таких случаях, когда оно... определяет смертную казнь, составляло предмет живейшей» его заботы. Выяснилось, с одной стороны, что финляндское законодательство «в сем отношении не согласуется с основанными на внутреннем убеждении и сообразными с судопроизводством в империи правилами». С другой стороны, Николай, по собственным словам, не мог отступить от «предначертанного» им самим «в совести долга не утверждать никакого, хотя и сообразного с оными соображениями смертного приговора, если преступление не будет той важности, что целию оно было нарушение общего существования, спокойствия государственного, безопасности престола и святости Величества». По этим причинам и в связи с тем, что «обстоятельства и время ныне не позволяют» представить «рассуждению сеймовых чинов» закон об отмене приговоренным преступникам смертной казни, император решил воспользоваться своим правом помилования.

Манифест выступил и против осуждения помилованных смертников «по телесном наказании к заточению на вечные публичные работы... в самой Финляндии», потому что в ее крепостях и тюрьмах содержатся преступники, наказанные за менее тяжкие преступления. При этом, по мнению авторов манифеста, нельзя «было бы соблюсти нужной и приличной постепенности в наказаниях преступников». Для достижения этой цели и «дабы удовлетворить и намерению законодательства, старающегося вселять в других страх и предостерегать их от преступлений, за кои крепостную работу нельзя почесть соответственным наказанием», император признал наиболее действенным средством «важнейших преступников взамен... смертной казни сослать в состоящие на восточной стороне Уральского хребта губернии» навечно, чтобы они были «совершенно лишены надежды вернуться в общество». Такие преступники лишались всех гражданских прав, но сохраняли возможность получать «нужные духовные требы»²¹.

Именной указ, адресованный финляндскому губернатору, Николай подписал в тот же день, — 21 апреля 1826 г. Указ имел название «О распоряжениях касательно осуждаемых к ссылке в сибирские губернии на работы в горные заводы финляндских преступников». Повелел в манифесте о необходимости сослать в отдаленные сибирские губернии помилованных от смертной казни преступников, которые не заслуживают облегчения участи в той мере, чтобы можно было заключать их «в публичную работу в Финляндии», император отдал несколько распоряжений. Во-первых, «потребные на отправление подобных преступников в места ссылки издержки» полагалось «удовлетворять из финляндской казны». Во-вторых, Сенату следовало принять меры к определению, когда «обстоятельства позволят», при таких ссыльных священника из финляндского лютеранского духовенства с жалованием от казны. Пока это назначение не состоялось, представители местного православного духовенства были обязаны «в случаях болезни ссыльных или на смертном их одре представлять болящим к утешению их истины христианского закона». Кроме того, император возложил на Сенат обязанность распорядиться «о доставлении на казенном иждивении помянутым ссыльным потребных для христианского назидания книг». В-третьих, местное начальство сибирских губерний каждые полгода должно было представлять ведомости о ссыльных финских преступниках, в «каковых ведомостях будут означаемы и происходившие с ссыльными перемены»²².

Наконец, 31 августа 1826 г., уже после подписания приговора декабристам и казни пяти из них, вышел сенатский указ «О распоряжениях для препровождения в Сибирь финляндских преступников». Финляндский генерал-губернатор сообщил министру юстиции, что в ходе реализации императорских повелений о ссылке в Сибирь помилованных финских смертников он предложил императорскому финляндскому Совету осуществлять пересылку на основе Устава о ссыльных от 22 июля 1822 г. Из Финляндии их предполагалось доставлять в Санкт-Петербургское губернское правление через управляющего Выборгской губернией и далее в Тобольский приказ о ссыльных под охраной внутренней стражи, «через этапы, на сем пути учрежденные». Выборгские власти должны были обеспечивать пересылаемых преступников «кормовыми деньгами» только до Петербурга. Сенатский указ нужно было довести до губернских правлений и местных властей на всем пути следования преступников, расходы на их перевозку возмещались финляндскими властями²³.

В архивном деле об отмене смертной казни содержится и список «финским преступникам, которые на основании... манифеста от 21 апреля 1826 г. вместо смертной казни назначены к ссылке в Сибирь на каторжные работы вечно». В списке 27 имен. Назван социальный ста-

тус большинства преступников: треть из них были крестьянами (или крестьянскими сыновьями) — 9 человек, четверо — работниками, еще трое — бродягами, двое — бобылями, двое — солдатами, один — плотником. Из национальных групп выделены цыгане — 4 человека. Социальное положение двух осужденных не названо. Все они были осуждены за «причинение смерти» тому или иному человеку, в том числе, крестьянин Андес Тосайн — «за умерщвление жены своей», плотник Михель Судедрос — «за умышленное смертоубийство, многократное воровство и другое»²⁴. Этим преступникам суждена была сибирская каторга. Интересно, что помилование императора сокращало сферу применения смертной казни значительно больше, чем предлагал М. Калониус. Манифестам и указам императоров была уготована долгая жизнь. Уголовное законодательство Великого княжества Финляндского будет обновлено только в 1866 г., а новое Уголовное уложение появится лишь в 1889 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Остен-Сакен В.* Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в Российском государстве. СПб., 1910. С. 63; *Суни Л. В.* Великое княжество Финляндское. Становление автономии. Петрозаводск, 2013. С. 16, 20–21; *Баландин С. Б.* Присоединение Финляндии к Российской империи // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 24–25.

² *Киор В. Б.* Государственная национальная политика в имперской России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. № 4. С. 213.

³ *Дусаев Р. Н.* Уголовное уложение Великого княжества Финляндского: История создания, основные институты. Л. 1988. С. 25, 27.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Матиас Калониус (1737–1817) — известный финляндский юрист и государственный деятель.

⁶ *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909. С. 570–571.

⁷ *Берендтс Э. Н.* Лекции по административному праву Великого княжества Финляндского. Т. II. Главные органы управления в Финляндии. СПб., 1903. С. 48, 144–161.

⁸ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1361. Оп. 2. Д. 69. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 2, 5–6.

¹¹ Там же. Л. 7–10, 55–56.

¹² *Дусаев Р. Н.* Уголовное уложение Великого княжества Финляндского: История создания, основные институты. С. 31.

¹³ РГИА. Ф. 1361. Оп. 2. Д. 137. Л. 3.

¹⁴ Там же. Д. 127. Л. 28.

- ¹⁵ Там же. Д. 69. Л. 63.
¹⁶ Там же, Л. 37, 44.
¹⁷ Там же. Л. 42–45.
¹⁸ Там же. Л. 46–47.
¹⁹ Там же. Л. 48–51.
²⁰ Там же. Л. 59–60.
²¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 1. № 275.
²² Там же. № 276.
²³ Там же. № 563.
²⁴ РГИА. Ф. 1361. Оп. 2. Д. 69. Л. 91–95.

ЛИТЕРАТУРА

Баландин С. Б. Присоединение Финляндии к Российской империи // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 22–31.

Берндтс Э. Н. Лекции по административному праву Великого княжества Финляндского. Т. II. Главные органы управления в Финляндии. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 275 с.

Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб.: Государственная типография, 1909. 635 с.

Высочков Л. В. «Оставьте финнов в покое»: Император Николай I и Великое княжество Финляндское // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2003. С. 62–73.

Высочков Л. В. Финляндский генерал-губернатор Арсений Андреевич Закревский (1823–1831 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2004. С. 18–30.

Дусаев Р. Н. Уголовное уложение Великого княжества Финляндского: История создания, основные институты. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. 168 с.

Кангаспуро Л. В. Братья Яков и Константин Гроты. Деятельность на благо России и Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2017, № 18/1–2/.

Кангаспуро Л. В. Творцы тюремных реформ — Н. С. Таганцев и А. Грутенфельт // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016, № 17/1/. С. 36–45.

Киор В. Б. Государственная национальная политика в имперской России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. № 4. С. 204–218.

Остен-Сакен В. Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в Российском государстве. СПб.: Государственная типография, 1910. 220 с.

Суни Л. В. Великое княжество Финляндское. Становление автономии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 137 с.